

9 КРУГОЗОР 70

Навои — новый город,
носящий имя
древнего поэта.
Новые песни
о новом городе
на третьей
звуковой странице.

Выполняя просьбу студентов
из Йошкар-Олы, приглашаем
за кулисы четвертого
Международного конкурса
имени Чайковского.
Вы услышите... Впрочем,
не будем забегать вперед.
Поставьте на проигрыватель
седьмую
звуковую страницу,
а потом
переверните ее.

Людам, которым
посчастливилось
видеть и слышать
Сергея Есенина, можно
позавидовать. Сергей Коненков
из их числа. Слушайте
пятую
звуковую страницу.

Первая запись.
Для певца она
как шаг к слушателям.
На десятой
звуковой странице
Штефан Петраке.
(Молдавия.)

ХОРОВОД ЗВОНКИХ ГОЛОСОВ

Это не конкурс,
не состязание —
сплетение
детских голосов
из Москвы
и Парижа,
из Будапешта
и Копенгагена,
из Филадельфии
и Братиславы...
Когда играют такие
ансамбли,
как эти юные
скрипачи
из Таллина,
профессионалы
лишь удивляются
их искусству.
Всем возрастам
подвластна
музыка сегодня!
Что же говорить
о детских хорах?
Хоровое пение —
единственный вид
искусства, где дети
издавна не уступают
взрослым
и где мастерство
оценивается без скидок
на возраст...

На девятой звуковой
странице
«Кругозора» —
хоровод детских хоров,
выступавших в Москве
на конференции
Международного
общества
по музыкальному
воспитанию.

Кызыл-Кум —
красные пески.

Дары обновленной
пустыни.

Навои — город-оазис.

Фото
Ю. Королева,
А. Малкина,
Н. Рахманова

— Хотите сфотографироваться с верблюдом?

Мне, конечно, хотелось, но в вопросе чувствовалась явная ирония, и сирепя сердце я отказался.

Теперь-то я знаю, что верблюды не самая главная примета здешних мест и мощных БЕЛАЗов, например, в пустыне гораздо больше. Ох, уж эти детские представления о пустыне! Раскаленные барханы, неутолимая жажда, миражи.

В словаре русского языка Ожегова читаем: «Пустыня — большое необитаемое пространство земли со скудной растительностью или вовсе без нее».

Необитаемое пространство? Мы идем по широким зеленым проспектам Навои мимо девятиэтажных зданий из стекла и бетона. Мы обедаем в кафе, художественному оформлению, как, впрочем, и меню которого могли бы позавидовать и в столице. Мы болеем, сидя у телевизоров, за наших футболистов. Мы едем через пустыню на поезде. Мы пьем воду, которую насосы гонят сюда за сотни километров из Аму-Дарьи. А Зеравшан, гордо противопоставивший себя пескам? А золотые рудники? А завод, построенный за фантастически короткий срок? А люди, чьим трудом, волей, талантом создано все это?

Мы на многочисленных примерах убедились с первых же минут: здесь карьеру делают в карьерах, вместе с этажами здесь растут.

Впрочем, мой словарь издан десять лет назад, а тогда здесь появились первые брезентовые палатки...

Есть на свете Волга. Есть Ока, Кама, Енисей. На полпути между Зеравшаном и Навои есть горячий источник — предмет гордости всех кызыл-кумских старожилов. Говорят, что искупавшийся в нем обязательно побывает здесь еще раз. Я верю в это.

ПУСТЫНЯ КЫЗЫЛ-КУМ

Игорь ШАФЕРАН, спецкор «Кругозора».

Наши премьеры: «Сорок градусов в тени», «Просто мы приехали». Третья звуковая страница.

ПОБЕДИТЕЛИ В СОПОРЕ

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС
ИМ. П. И. ЧАЙКОВСКОГО

7

Эмиль Гилельс: На нашем конкурсе выступала большая группа очень сильных и опытных музыкантов, различных по дарованию. Откровенно, слабых участников не было вовсе. В этом я вижу определенную закономерность, свидетельствующую о зрелости конкурса...

8

Вот и отошел в недалекое прошлое Четвертый конкурс имени Чайковского. Как в перевернутом бинногле, уменьшились в размерах залы, боделъщики у подъездов музыкальных коллизеев Москвы, где почти месяц скрещивались словесные шпаги.

О чем же шел спор! Прежде всего это был турнир рыцарей прекраснейшей из Дам — Музыки. Трудный бой. Здесь хронологические «меридианы» простираются от Баха и Генделя до Шостаковича и Менотти... Однако в фокусе состязания, разумеется, был Чайковский.

И, быть может, фатальные неудачи преследовали некоторых зарубежных участников конкурса оттого, что эти музыканты усвоили легенду, будто Чайковского достаточно сыграть, что называется, «с душой». Но, как свидетельствовал друг Чайковского критик Ларош, сам Петр Ильич «как огня боялся сентиментальности и смеялся над выражением «играть с душой»...»

— Я старался,— рассказывал мне английский пианист Джон Лилл, разделивший первое место с Владимиром Крайневым,— уловить волны, излучаемые музыкой вашего гения. Я гнал вон из головы все, что могло бы показаться выпрепением, лишним...

Напомним имена хотя бы «золотой» восьмерки: Крайнев, Лилл, Кремер, Герингас, Образцова, Синявская, Нестеренко, Огренич, хотя трудно сюда не добавить и «серебряных» — японку Фудзикава, американца Гутьерреса, советского скрипача Спивакова. Все они шли буквально по краю пропасти. По немногим тропинкам безупречного

вкуса и благородства. Они могли оступиться в ущелье, именуемое техницизмом, либо впасть в штамп, либо просто застыть на месте от психологического шока, неверия в собственные силы... Но они победили. И не только они.

Старая идея конкурсов теперь как бы распалась, раскололась. Когда-то бельгийский скрипач Эжен Изам организовал конкурсы в Брюсселе, чтобы поддержать молодых талантливых музыкантов, лишенных необходимых средств к существованию. Блистательная Мария Каллас — почетный гость конкурса Чайковского — дала свое имя певческим соревнованиям, стремясь оказать помощь младшим собратьям по искусству. Эта функция присуща отчасти и конкурсу Чайковского. Медали с барельефом Чайковского магически действуют на импресарио во всем мире, открывают исполнителям тяжелые засовы самых недоступных эстрад. Но современные конкурсы — это, пожалуй, уже не столько борьба одаренных одиночек. Это — сражение целых школ и направлений. «Для меня первенство советских исполнительских школ — дело доказанное», — признавался один из популярнейших скрипачей, Жозеф Сигетт. «У вас музыка — дело государственное», — говорил нам американский певец Масенков.

Воистину так. И тот спор, который шел на конкурсе и эхо которого вы услышите на звуковых страницах, приобретает еще одно измерение.

Артем ГАЛЬПЕРИН

*Заседание жюри конкурса виолончелистов.
Председатель М. Ростропович.*

Перед финалом. Джон Лилл.

Минута сосредоточенности. Владимир Крайнев.

*Молодость музыки.
Скрипачка Маюми Фудзикава.*

Фото А. Лидова и О. Макарова (АПН).

СОТВОРЕНИЕ ВОДЫ

H₂O

Из интервью
с Н. В. Чуревым,
профессором,
руководителем
лаборатории
Института
физической химии:

— Действительно ли вода-II состоит из молекул H₂O, объединенных в крупные ассоциаты? Если удастся это доказать, мы откроем новый класс полимеров. Заметьте: таким способом можно получать сверхплотные спирты и жирные кислоты — вещества, которые в полимерной форме раньше не были известны. Наши медики думают о том, что откажутся наконец от глицерина, в котором сохраняются готовые для пересадки ткани и органы, и заменят глицерин чем-то химически менее активным — сверхплотная вода подошла бы здесь как нельзя кстати. Или, например, техническая смазка. Очень вязкая, наша вода напоминает в чистом виде вазелин, ее трудно будет вытеснить из зазоров даже при весьма высоких давлениях...

...Подношу к глазам тонкий стеклянный цилиндр: к оплавленному концу его жметя светлый серпик полимерной воды. Какой надо обладать смелостью, чтобы говорить об обиходной полезности вещества, которое человек научился получать вот в таких, годных пока лишь для микроанализа количествах! Но, с другой стороны, обмакивая в блюдце с медом рыхлый ломоть, каждый из нас способен мысленно восстановить и обратную цепочку — к крохотной капле нектара в кашке, к упавшему на почву зерну.

Бушует в капилляре океан. Еще загадочный, но, несомненно, нужный людям Океан-83. Под таким порядковым номером Комитет по делам изобретений и открытий зарегистрировал в мае 1970 года обнаруженное советскими учеными Б. В. Дерягиным и Н. Н. Федякиным «явление образования сверхплотной воды при конденсации паров в кварцевых капиллярах».

Б. ВАХНЮК

Институт физической химии
Москва

П. А. Ребиндер: «Чудо — это то, чего мы не могли заметить раньше». Слушайте монолог академика Ребиндера на первой звуковой странице.

Мы давно к ней привыкли. Панибратски похлопываем веслами, принуждаем вертеть турбины, орошать поля, работать на нас. Мы поверили в ее постоянство, основали на ее, казалось бы, неизменных свойствах температурную шкалу Цельсия, единицу массы, тепла. Но однажды она словно решила доказать, насколько зыбки наши представления...

Речь идет о воде. О единственном минерале, который природа создала сразу в трех состояниях: твердом, жидком, летучем. Три — и только. Так мы думали прежде.

Из интервью
с Б. В. Дерягиным,
членом-корреспондентом
АН СССР:

— Лет десять назад ученые заметили: если в очень узком капилляре сконденсировать пар обычной воды при условии, что давление его пульсирует, образуется жидкость, вроде бы на воду и не похожая. Ее нагревают до двухсот и более градусов, а она почему-то не спешит превращаться снова в пар. Пробуют заморозить — не получается: лишь при 40° ниже нуля образуется из нее даже не лед, а некий стекловидный продукт. Первые публикации советских ученых по этой теме датированы 1962 годом. Но до широкого признания открытия было далеко. И сейчас есть еще сомневающиеся: слишком необычные свойства обнаружены в стабильном соединении водорода с кислородом...

... Лаборатория Института физической химии. Просто, даже буднично. На столах двоянные, как бинокль, микроскопы. Девушка в белом халате поливает запаянную пробирку клубящимся жидким азотом. За вспотевшим стеклом скорее угадываешь, чем различаешь те самые кварцевые капилляры, в которых рождается вода-II, называемая еще полимерной водой.

...Пятая звуковая страница, Воспоминания народного художника СССР С. Т. Коненкова о Есенине, Сергей Есенин: «Видели ли вы, как бежит по степям...». Запись сделана 11 января 1922 года профессором Бернштейном. Отреставрирована в 1970 году. Публикуется впервые.

**ЧИТАЕТ
СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН... →**

Есенин читал свои стихи замечательно. Некоторые считают, что даже лучше Маяковского. Дело, конечно, не в том, кто из них лучше читал. Но это сопоставление только на первый взгляд неожиданно. На самом деле оно вполне правомерно. Есенин, который, казалось бы, должен читать нежно, тихо, проникновенно, вкрадчиво, читает неистово, бурно, полемично, утверждающе, громкогласно. Современники свидетельствуют:

Вс. Рождественский: «Я слышал многих поэтов, но никто из них не читал с такой предельной выразительностью, с таким самоупоением. Каждая фраза была гибкой и точной в есенинской передаче. Чувствовалось, что иначе и не могло быть произнесено, что найдены именно те слова, которые подсказывает подлинное волнение. Когда Есенин, кончив, вытирал лоб темно-малиновым платком, лицо его светилось широкой, рвущейся наружу радостью. И он был незабываемо красив в эту минуту».

В. Качалов: «Я всегда испытывал радость от его чтения. У него было настоящее мастерство и заразительная искренность. И всегда — сколько я его ни слышал — всегда у него становилось прекрасным лицо, сразу, как только, откашлявшись, он приступал к первому стихотворению. Прекрасное лицо: спокойное (без гримас, без напряжения, без аффектации актеров, без мертвой монотонности поэтов), спокойное лицо, но в то же время живое, отражающее все чувства, какие льются из стихов».

М. Горький: «...Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он поблдевал до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно — под ноги себе, другое — далеко, третье — в чье-то ненавистное лицо. Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — я думаю — и не нуждался в них».

В последние годы были разысканы и частично реставрированы все записи авторского чтения Есенина: «Разбуди меня завтра рано», «Я покинул родимый дом», «Исповедь хулигана», «О, привет тебе, зверь мой любимый», «Видели ли вы, как бежит по степям...», монолог Хлопуши из драмы «Пугачев». В настоящее время они хранятся в фонотеке Союза писателей. Некоторые из них уже воспроизводились в «Кругозоре», звучали по радио и телевидению.

Реставрация каждой записи — дело долгое и сложное. Добиваясь отчетливости звучания, можно исказить тембр и темп чтения. Поэтому каждый новый вариант мы стараемся дать послушать возможно большему кругу лиц, помнящих, как читал поэт.

С одной из таких записей мы пришли к С. Т. Коненкову — большому другу поэта, в свое время делавшему его бюст и несчетное количество раз слышавшему его чтение.

Лев ШИЛОВ

Фото М. Савина

КАПУСТИН НЕ УМЕЛ

Яков СЕГЕЛЬ

Мише было уже двенадцать с половиной лет, почти тринадцать, а он все еще не умел свистеть при помощи пальцев. В его классе умели все, он один не умел.

Правда, у Миши не было отца и не было брата. Была только мама, но в откошени свиста мамы совершенно бесполезный народ. И вот вчера, когда Миша возвращался из школы, Шурочка Ленинова вдруг показала на дерево и сказала:

— Ой! Посмотрите, чудеса в решетях!

На дереве сидел зеленый полугайчик.

Попугай, как известно, в Москве не водятся, значит, просто он вылетел из чьей-то клетки, из чьей-то квартиры.

— Слугни его, — попросила Шурочка. — Свистни.

Миша сделал губы трубочкой.

— Нет, ты не так, — сказала Шурочка. — Ты в пальцы громко.

— Я не умею, — признался Миша.

Шурочка ничего ему не сказала, но Миша понял: она потеряна для него навеки.

Тогда он решил научиться свистеть.

У доски математичка Мария Яковлевна объясняла подобие треугольников, а Миша сидел на задней парте и под руководством Кости Фомичева засовывал пальцы в рот. Костя Фомичев возился с Мишей уже три урока, а у того все еще ничего не получалось. У Кости Фомичева уже начало лопаться терпение, и вдруг...

Математичка Мария Яковлевна в жизни не слышала такого — зазвенели стекла, заначалась лампочка над учительским столом... и наступила предгрозовая тишина. Потом в этой тишине что-то отчаянно заскрипело под Костей Фомичевым — это он старался неслышно, на цыпочках перебраться на другую, далекую парту, как будто он и не сидел рядом с Мишей и вообще не имеет к нему никакого отношения... И весь класс обернулся к Мише, а он сам так растерялся, что даже не успел еще вынуть пальцы изо рта.

— Это вы, Капустин? — спросила Мария Яковлевна, и щоки у нее побелели. — Отправься домой, Капустин, и без матери не возвращайся. Вот так.

— Мама, — сказал вечером Миша. — Сотри макияж и завтра с утра не крась губы...

— Меня опять вызывают в школу? — догадалась мама. — Что ты натворил теперь?

— Свистнул в пальцы, — тихо, но гордо вздохнул Миша.

— Но ты же не умеешь!

— Один раз получилось...

На другой день оноло школы Миша еще раз тщательно проверил, как выглядит мама: она показала ему руки — маникюра нет, губы не намазаны, ресницы тоже, скромно одета — все в порядке.

КОТОРЫЙ СВИСТЕТЬ

— Мария Яковлевна, — сказала мама учительнице. — Я вас уверю, он даже не умеет свистеть. Это — какое-то недоразумение, даю вам честное слово!

— Не надо, мамаша! Не надо. Главное, берегите свои нервы, — посоветовала Мария Яковлевна. — Пускай он волнуется. Вы садитесь, а он пусть сам даст объяснения. Объясни, Капустин.

— Я только попробовал... — сказал Миша. — И вдруг у меня получилось... Я и не хотел совсем...

Мария Яковлевна саркастически улыбнулась.

— Милый Капустин, — сказала она с глубоким смыслом, глядя почему-то не на Мишу, а на Мишину маму. — Если я, например, не умею свистеть, то сколько бы я ни прилагала усилий, у меня все равно ничего не получится. Так?

— Конечно, — быстро согласилась Мишина мама.

— Не знаю... — сказал Миша.

— Пожалуйста, — любезно предложила Мария Яковлевна. — Мы можем попробовать.

Она сунула два пальца в рот, подняла брови и...

Миша даже перестал дышать: ведь бывают же в жизни чудеса?! Ну, хоть бы она свистнула! Нет, она не могла свистнуть при всем Мишином желании. Она дунула, но раздалось шипение, как будто паровоз выпустил пары.

— Пожалуйста! — Мария Яковлевна с достоинством вытерла пальцы промокашкой. — А ведь я, между прочим, старалась, Капустин. Миша опустил глаза и вздохнул.

— И я не умею... Я только попробовал...

Он снова решил показать, как у него ничего не получается. Но прямо, как назло, у него снова получилось.

Зазвенели стекла, заначалась лампочка над столом, у мамы потемнело в глазах.

Вечером, когда Миша сделал все уроки, мама села против него и некоторое время смотрела ему в глаза.

— А теперь скажи, только честно, ты действительно не умеешь свистеть?

— Честное слово! — горячо поклялся Миша. — Ты мне не веришь?

— Верю, — сказала мама. — У тебя, наверное, не получается потому, что ты очень широко расставляешь пальцы, а надо вот так...

И мама неожиданно свистнула. Да так, как не мог никто!

Миша не знал ни одной такой девчонки, такой замечательной девчонки!

А потом мама сказала:

— Я тебя научу тоже, только очень прошу, никогда не надо свистеть на уроках. Хорошо?.. Ну, а теперь возьми-ка два пальца — вот так — и заткни самый кончик языка...

Закрылись тяжелые, как в барокамере, двери студии, зажглись предупредительные сигналы, и певец впервые в жизни остался один на один с микрофоном. От волнения ему жарко, он снимает рубашку, и кажется — это не певец, а боксер на ринге. Первая пластинка — начало судьбы. Стефан Петраке понимает это. Он поет свою песню раз, другой, третий, отчаивается:

— Ну, скажите мне, пожалуйста, почему так плохо выходит? Что я еще должен сделать?

— Успокойтесь, — говорит режиссер.

Но быть спокойным Петраке как раз и не умеет. Его песни — о беспокойстве! «Утром я видел, как дети играют на песчаном пляже, — поет он. — Живой и теплый, как жизнь, песок струился меж пальцев. Только бы не случилось обратное — только бы жизнь не прошла сквозь пальцы, как песок...»

ПЕРВАЯ
ЗАПИСЬ

Стефан живет взахлеб. «Я еще не могу надеяться сделать что-то в искусстве, — говорит он, — но я хочу сделать что-то искусством».

Четвертый вариант записи, пятый, шестой...

...Двое мальчишек учились в музыкальной школе. Стефан Петраке играл на скрипке, Валентин Дынга — на виолончели. Играли, пели, сочиняли стихи и музыку. Сегодня композитору Дынге — 19, певцу и поэту Петраке — 23. И вот — первая запись. Десятый вариант, одиннадцатый...

— Попробуем еще раз, — говорит режиссер.

Г. ЕРШОВА

Слушайте десятую звуковую страницу журнала

*— Учитель,
воспитай ученика!..
О своей верности
этому завету
тульский мастер
Михаил Почукаев
рассказывает
на второй
звуковой странице.*

**«Левша» — русский
народный лубок**

Дедушка и внучка

**Б. СЕЛЕННОВ,
слескор «Кругозора»**

А С Т

...Мне очень хочется приехать еще раз к нему в гости. Еще раз постучать в ту же дверь, где вырезаны на металлической ручке буквы ДВС — делай все сам. А потом весь вечер с удовольствием слушать всякие истории и прибаутки, которые все вместе и есть его жизнь...

И опять, как в прошлый раз, не сразу поверю, что на золотую пластинку в половину квадратного сантиметра можно врезать текст большой речи. А пока ищет Михаил Исаевич Почукаев фотографии своих работ, буду вслушиваться в рокот токарного станочка, собранного по винтику и гаечке без чертежей и расчетов. Привык мастер всю жизнь работать. И без станка ему никак нельзя...

А потом я бережно спрячу фотографию знаменитой гравюры Почукаева, изображающей тульского Левшу и

английскую стальную блоху размером в две спичечные головки.

...Перебирая старые фотографии, скажет Михаил Исаевич:

— Модное стало слово. Микрогравюра... А раньше говорили: мелочь...

Раньше, в то не слишком автоматизированное время, ценили граверов по числу роликов, что изготовлялись лучшими мастерами вручную и наделяли точностью боя знаменитое ружье «тулку».

И станет рассказывать Михаил Исаевич про завод, знаменитый свой оружейный. Как встретил на нем Советскую власть, как учился и обгонял признанных королей-граверов, как досталась ему слава второго Левши.

Многое услышу я от него в тот вечер. И про мирную жизнь. И про войну. Про длинные очереди. В городе—

Е Р

за хлебом. На заводском дворе — за винтовками. Потому что фронт был на окраине. А маленькая Тула заслоняла собой Москву...

А еще достанет он с полки новую, пахнущую типографской краской книжку, на обложке которой написано: М. И. Почукаев. «В помощь начинающему граверу». И поведает мастер, как прощался он со своим цехом. Как сказал ученикам:

— Ребята! Я раскрыл вам все свои секреты. Если что не успел, не вините. Напишу я теперь на пенсии книжку. И будет она вашей...

Я поздравляю Почукаева с новой книгой, с тем, что сдержал он данное ученикам слово. И, перелистывая страницу за страницей, подумаю о тех, кого — ступень за ступенью — поведет книга к вершинам мастерства.

...А на завтра в Музее тульского оружия остановлюсь перед фотографией ружья, которое хранится в Центральном музее В. И. Ленина. Долгим был поиск орнамента. Рисовал он оливковые ветки, ветки благородного лавра — и все ему не нравилось. Пока наконец не встал перед его глазами другой символ. Символ русской мощи и вечности — раскидистые дубовые ветви с пустыми чашечками — знаком зрелости дерева, верным знаком того, что уже брошены им семена в землю.

И высек гравер в металле дубовые ветви.

...А я стою перед ними и постигаю мудрость старого мастера, который словно граверским резцом начертил в моей памяти:

— Они никогда не завянут.

Тула

Сергей ЮТКЕВИЧ,
народный артист СССР

«Не найдешь нынче такого удивительного нигроманта, каким был в свое время этот Фауст. Так много диговинного совершил он, что о нем не так скоро позабудут».

Эта запись из «Циммерской хроники», включающей в себя легенду о докторе Фаусте, нуждается в расшифровке: нигромантами называли чернокнижников-чародеев, «благодаря чарам которых изумленные зрители видят, будто одно превращается в другое и будто на их глазах совершаются чудеса», как писал в 1575 году в своем «Трактате швейцарца» Бенедикт Аретиус.

Лев Кулешов еще при жизни нашего поколения стал личностью легендарной. Даже, будучи его современником и моложе всего лишь на какие-нибудь пять лет, я часто с изумлением поглядывал на него. Он мне всегда казался чародеем, чья такая противоречивая, разноликая и фантастическая судьба с трудом поддавалась разгадке.

Действительно, он был автором всего нескольких фильмов, из которых только три, пожалуй, можно было безусловно занести в категорию полноценных удач («Необычайное приключение мистера Веста в стране большевиков», «По закону», «Великий утешитель»). И хотя эти фильмы были сделаны на уровне почти средневековой техники, они упрямо не старели. Его первая книга, «Искусство кино», напечатанная в 1929 году, содержала много наивных и даже, казалось, азбучных истин и все же не переставала быть настольной для кинематографистов разных поколений.

Поистине колумбовым яйцом оказался монтажный эксперимент, который Кулешов произвел в начале 20-х годов и впоследствии вошедший в историю мирового киноискусства под названием «эффект Кулешова». Вот как он сам описывает этот опыт: «Я чередовал один и тот же кадр Мозжухина с различными другими кадрами (тарелкой супа, девушкой, детским гробином). В монтажной взаимосвязи эти кадры приобрели разный смысл. Переживания актера становились различными! Открытие ошеломило меня. Так я убедился в величайшей силе монтажа. Монтаж — вот основа, сущность построения кинокартины! Монтаж придает разный смысл содержанию по воле режиссера. Таково было мое заключение».

...Из-за рубежа взывали к нему с просьбами восстановить чудодейственные эксперименты двадцатых годов. Одно из многочисленных писем, адресованных во ВГИК и помеченное 18 декабря 1968 года, гласило: «Мы, американские критики, сотрудники «Фильм Куотерли», с восторгом узнали, что Лев Кулешов собирается восстановить свои широкоизвестные и оказавшие огромное влияние на кинематограф короткометражные фильмы «Эффект Мозжухина», «Идеальная женщина», «Механический балет» и «Искусственный пейзаж». Было трагической потерей для истории кино, что эти произведения погибли во время войны... Было бы очень желательно, чтобы молодое поколение энтузиастов кино могло посмотреть эти фильмы... Они описывались многочисленными критиками с чужих слов, и поэтому скептически настроенные молодые люди подчас сомневаются в том, имели ли место вообще эти эксперименты. Если замысел Кулешова будет

ПО ЗАДАНИЮ РЕВВОЕН- СОВЕТА

осуществлен, мы надеемся достичь договоренности о всемирном прокате этих фильмов».

Зарубежные теоретические киноежемесячники посвящали Кулешову целые номера. Ни одна из историй киноискусства не начиналась без упоминания его имени. Развивалась его непрерывная педагогическая деятельность, авторитет его рос с годами, и советские кинематографисты заслуженно поручили открыть свой Первый съезд именно ему, одному из старейшин не только советского, но и мирового кино.

Мало можно найти в истории культуры подобных случаев бесспорного и широкого влияния, опирающегося не столько на непосредственную практику художника, сколь на нечто иное и, очевидно, не менее значительное, базирующееся на открытии им таких законов и свойств, которые, проникая в самую сущность явлений, становятся обязательными и в то же время остаются динамичными и раскрывающимися во времени...

В истории искусства XX века я, пожалуй, могу найти только один пример, частично совпадающий с судьбой советского режиссера Льва Кулешова. В старинном провансальском городке, затерянном на юге Франции в Приморских Альпах, недавно скончался в очень преклонном возрасте художник, чье имя стало также легендарным еще в начале нашего века.

Это был английский режиссер, художник и теоретик Гордон Эдвард Крэг, сын прославленной британской актрисы Алисы Терри, муж не менее легендарной Айседоры Дункан, тот самый, единственный иностранный режиссер, которого пригласил Станиславский для постановки Шекспира в Московском Художественном театре...

Он был автором одной только книги «Искусство театра», переведенной на все языки мира. Но бурное развитие режиссерского мастерства в театре XX века возникло и развивалось под знаком этого блистательного англичанина...

...И не зря в начале этих строк, продиктованных любовью и уважением к мастеру, я назвал его чародеем-нигромантом. Ученики Кулешова выпуска ВГИКа 1968 года поздравили его словами, к которым я могу только присоединиться: «Лев Владимирович не похож на профессора. Споря, он говорит, что может вслепую склеить целую часть фильма. Сидя за рулем с закрытыми глазами, он предлагает въехать в самые узкие ворота. Тоже на спор. Он приучает и к искусству спорному, он разбирает его не в рамках установившихся ценностей, а возникающих заново, постоянно... И мы любим его искусство. Мы любим его книги, фильмы, рисунки.

Он не похож на профессора. Он скорее мудрый волшебник, раздающий добро легко и весело...»

Лев Кулешов: «О времени и о себе». Четвертая звуковая страница

Л. Кулешов на Восточном фронте в 1919 г.

Кадры из фильмов Л. Кулешова: «На Красном фронте»; учебные этюды или кино без пленки; «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков»; А. Хохлова в фильме «Ваша знакомая» («Журналистка»); П. Подобед в фильме «Луч смерти»; В. Пудовкин — факир в «Веселой канарейке»; кадр из фильма «Клятва Тимура».

А. Хохлова и Л. Кулешов среди студентов ВГИКа.

*Песней о Москве
начинал свои выступления
на Кубе квартет «Аккорд».
С этой песни начинается
и одиннадцатая
звуковая страница.*

Фото Д. Бальтерманца

ОСТРОВ БАГРЯНОЙ ЗАРНИ

Артисты — всегда путешественники. Спросите популярного музыканта: «В каких городах вы бывали, в каких странах?» — и в ответ услышите столь внушительный перечень, что и географ позавидовал бы. И каждое путешествие артиста — впечатления, наблюдения, интересные свидетельства. Рассказывает участник ансамбля «Аккорд», вернувшегося из поездки на Кубу.

...Мы попали на Кубу как раз в разгар сафры — рубки сахарного тростника. После концертов в Гаване поехали на сафру. Наш автобус остановился прямо в поле.

Собственно говоря, это было не поле, а лес — тростниковый лес.

...Сначала отсекают листья, а потом рубят ствол. Рубят кусками, сантиметров по сорок, и складывают все это в штабеля. То и дело подъезжают машины и увозят тростник на сахарные заводы. Мы приняли символическое участие в сафре, а потом отложили острые machetes и взобрались на только что выстроенные подмости, опробовали микрофон. И начался концерт на сафре! Мы пели русские, грузинские, азербайджанские и, разумеется, кубинские песни. Когда аудитория слышала испанские слова, сразу взывался одобрительный шумок — контакт со слушателями установлен!

...Родное слово всегда волнует.

Мы часто слышали на Кубе русскую речь. Спрашиваем: «Где вы учились русскому?» — «В Москве...»

...Любопытна любовь кубинцев и световым эффектам на сцене. Выступаем мы, например, где-то в поле на фоне белого занавеса. Кубинцы вытаскивают машины с прожекторами и буквально всеми цветами радуги высвечивают наш концерт.

...А любовь и танцу? Вот разговаривают о чем-то своем два кубинца, и вдруг откуда-то издалека до них доносится танцевальный ритм. И совершенно незаметно для себя они начинают входить в этот ритм, двигаться в нем. А разговор между тем продолжается. Впрочем, это не удивительно. Когда слышишь зажигательные ритмы Кубы, оригинальное звучание ударных инструментов, невозможно устоять на месте.

...Но это все музыкальные впечатления.

Я обязательно должен сказать еще об одном — о любви кубинцев и детям.

Детские сады понравились нам там сильнее, что за три месяца до приезда на Кубу мы были в Колумбии и видели там детей, спящих на асфальте. Из окон отеля в Гаване мы смотрели в окна детского сада на пятом этаже высокого здания. Вот с кубинскими детишками играют, вот их учат писать, читать, петь — кажется, вся Куба занимается детьми — будущими строителями новой республики.

Шота ХАРАБАДЗЕ

слушайте

в

номере

9 (78) сентябрь 1970.

1. Академик П. А. Ребиндер. «Уравнение с четырьмя известными». Раздумья о путях развития науки.

2. Тульский мастер М. И. Пчукаев. «Талант быть создателем».

3. Композиторы Я. Френкель и О. Фельцман, поэт И. Шаферан. Две песни о красной пустыне. Поют В. Макаров и Я. Френкель.

4. Кинорежиссер Л. Кулешов. «О времени и о себе».

5. Скульптор С. Т. Коненков. «Есенин читал так...» Звучат два стихотворения в исполнении Сергея Есенина.

6. Лидия Русланова. «1945. Концерт у рейхстага». Народные песни: «Я на горку шла», «На улице дождик», «Валенки».

7—8. «Эхо конкурса имени Чайковского». Звуковые автографы лауреатов, судей, публики (Лилл, Крайнев, Синявская, Каллас и другие).

9. «Кругосветный хоровод». Поют дети Москвы, Софии, Будапешта, Квебека, Филадельфии... Звуковую страницу подготовил С. Соловейчик.

10. Наши премьеры. Молдавский певец Ш. Петраке. Композитор В. Дынга. «Замок на песке», «Осенние пейзажи».

11. Квартет «Аккорд». А. Петров. «Я шагаю по Москве»; алжирская и бразильская народные песни.

12. Анна Герман. (Польша). «Человеческая судьба», «Трамповский тракт», «Нет таких слов». Музыка А. Герман, слова А. Новак.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки:

«Счастливая».

А. Яковлев
(Ленинград).

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
О. А. Кознов
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 27/VII-70 г.

В 04936. Подп. к печ.

13/VIII 1970 г. Формат

бумаги 84×108^{1/16}.

Усл. п. л. 1,68.

Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 350 000 экз.

Зак. 2112. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Лидия РУСЛАНОВА,
заслуженная артистка РСФСР

Разве можно забыть лето 1941 года, лесную опушку неподалеку от Ельни и наш первый фронтный концерт? Здесь началась моя фронтная дорога. Не успели мы вылезти из машины, как подбегает командир:

— Если можете, то побыстрее давайте концерт, потому что мы вот-вот отправимся на передовую. Скорее тан скорее. Я нарядилась в свой сарафан, вышла к бойцам и спросила:

— Чего же вам спеть?

Мне кричат хором:

— Давай пой все, что знаешь...

Я улыбнулась:

— Если я буду петь все, что знаю, то придется петь до конца войны.

— Тогда спойте самое свое любимое...

И я запела. Бойцы принимали концерт замечательно. Мы чувствовали, что людям нужны наши песни. Тот день был тяжелым не только для красноармейцев. Нам тоже пришлось нелегко. Бойцы уходили в бой, а мы снова и снова поднимались на сцену. В тот день мы выступали восемь раз.

Да, пришлось мне поехать. Много я увидела гор и стойкости, мужества и человеческого страдания. Вспоминается танец. Однажды после концерта, когда мы расположились в землянке на ночлег, в дверь постучали: «Русланову просят». Я накинула полушубок — дело было зимой, вышла.

Меня провели в другую землянку. Там лежал тяжело раненный боец. Я узнала его. Всего три-четыре часа назад, перед концертом, он жалел, что не сможет меня послушать — в разведку идти надо. Обещал привести «лыжня»... А теперь он метался в бреду. Я подошла к нему, положила руку на лоб. Он открыл глаза, узнал, говорит: «Все, что я обещал, исполнил». И снова закрыл глаза. Словно с силами собирался. Потом говорит:

— Спойте мне, пожалуйста.

Я погладила его по голове и тихо запела колыбельную, как, наверное, пела ему в детстве мать. Прошло около года. Мы снова вернулись в войска этого фронта, даем очередной концерт. Смотрю, кто-то сквозь толпу пробирается к грузовику, с которого мы выступали. Подошел поближе. Стоит, слушает. Я кончила петь, он говорит:

— Вы узнали меня?

Это и был тот самый разведчик. Здоровый, веселый, на гимнастерке — золотая звезда Героя.

Летали мы выступать и в осажденный Ленинград. Помню, вылетели к концу дня. Долетели до Ладоги. И, несмотря на то, что нас охраняли два «ястребка», пришлось вернуться под Москву — такой тяжелый был обстрел. Потом вылетели рано-рано утром и долетели. Пробыли мы в Ленинграде месяц. Концерты наши, которые шли в Доме Красной Армии, прерывались по три, по четыре раза. Мы спускались в подвал. Тамой обстрел сильный был. Потом мы выходили, и концерт продолжался. Отдыхать мы ездили на передовую.

Так с войсками я и вошла в Берлин. Конечно, мы кинулись посмотреть рейхстаг, потому что от его стен началась война. Рейхстаг еще горел...

Продолжение воспоминаний певицы, записанных корреспондентом Юрием Гробовниковым, и народные песни в исполнении Л. А. Руслановой слушайте на шестой звуковой странице журнала.

**РАЗВЕ
МОЖНО
ЗАБЫТЬ...**

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

**АННА
ГЕРМАН**

Польша

Цена 1 руб.

Отец Анны Герман — уроженец Лодзи. Мать — из старинного голландского рода. Еще при Екатерине II предки ее иммигрировали в Россию и поселились на Кавказе. Родилась Анна в Узбекистане, в 1946 году с матерью и бабушкой вернулась на родину отца. Но голландские традиции двухвековой давности столь сильны, что три женщины до сих пор разговаривают дома на несуществующем голландском наречии — окаменевшем языке XVIII века...

Певческий дебют Анны Герман состоялся несколько лет назад. Студентка геологического факультета Вроцлавского университета, участница студенческого кабаре «Каламбур», выступила в программе польского радио «Вечера у микрофона»...

Уже тогда Анна знала, что, презрев все полезные ископаемые земли, будет только петь. Позднее, сдавая экзамен на звание магистра стратиграфической геологии, она тут же держала другой... на право концертного турне по Жешувскому воеводству.

Успех пришел быстро. И скоро Анна Герман стала одной из популярных певиц в Польше. Ее полюбили за своеобразный голос, таящий в самом существе своем лиризм, за репертуар, который она подбирала с большим вкусом, придавая особое значение единству слова и музыки. Композиторы стали писать специально для нее. Успех принесла песня Натажины Гертнер «Танцующие Звездочки». Трудная для исполнения, необычная по музыкальному решению песня позволила певице проявить со всей полнотой свой особый, «германовский» тембр. В результате — победа на Сопотском фестивале 1964 года. Одна из первых гастрольных поездок — в Советский Союз.

...Автомобильная катастрофа в Италии прервала все планы. Почти три года длилось возвращение к жизни. Второй дебют Анны Герман произошел лишь в январе этого года. В камерном зале варшавского Большого театра исполнялась «Освенцимская оратория» по рассказу узницы № 41355 — Станиславы Лещинской. Музыка десяти песен оратории написала Анна Герман.

Теперь она предстает перед нами как композитор, поэт и исполнитель. В радиопередачах Анна Герман выступает как комментатор, знакомя слушателей с новинками эстрады и с классической музыкой... Певица возвратилась к творческой жизни.

А. ТЕТЕРИН

Фото М. Чудовского